

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/56/8

Н. В. Константинова

Новосибирский государственный педагогический университет

Русский травелог начала XIX века: феномен авторской стратегии (на материале путевых записок В. Б. Броневского) *

Исследование посвящено основным вопросам изучения эволюции жанра травелога в России в начале XIX в. Предметом описания в данной статье является феномен авторской стратегии в путевых записках В. Б. Броневского. Анализ нарративных стратегий автора-путешественника позволяет и выявить специфику жанра травелога, и определить феномен авторства путевых записок. В нарративе конкретных произведений начала XIX в. обнаруживается совмещение двух противоположных точек зрения: путешественника-очевидца и путешественника-писателя, объективность и субъективность, документальность и литературность. Кроме того, выделенные нами примеры в травелоге В. Б. Броневского наглядно демонстрируют установки скорее литератора, писателя, нежели объективного путешественника. Рассказ о событии путешествия превращается в повествовании в акт мифотворчества. Очевидец постепенно в процессе письма, все более погружаясь в нарративную саморефлексию, превращается в поэта, художника, творца нового мира. Путешественник познает Иное сознание, Чужой мир в процессе создания травелога, постигая роль автора.

Ключевые слова: авторская стратегия, нарратив, травелог, автор-путешественник, саморефлексия.

Жанр травелога в современном литературоведении становится все более привлекательным объектом исследования. Такой интерес объясняется не только тем, что путешествие является одним из ярких атрибутов современной культуры, но и модной темой культурологии и антропологии. Ученые, как правило, подвергают анализу цели путешествия, исторический и культурный контекст, дискурс траве-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00508 (Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII–XX веков»).

Константинова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; scribe2@yandex.ru)

лога, сюжеты и мотивы путевых записок [Дискурс травелога, 2008; Труды Русской антропологической школы, 2013; Феноменология, история..., 2013; Русский травелог..., 2015]. При этом особое внимание уделяется традиционно изучению специфики «литературных травелогов». Так, в диссертационных работах, посвященных вопросу изучения литературных путешествий, в качестве предмета исследования представлена эволюция жанровой формы и стиля, специфика жанра путевых записок в русской литературе определенного периода (в основном XVIII в., первой трети или первой половины XIX в.) [Дыдыкина, 1998; Иванова, 2010]. Феномен же авторства в таких произведениях комментируется крайне редко, только в контексте изучения жанровых особенностей. Так, О. А. Дыдыкина, исследуя эволюцию стиля русских литературных путешествий от Карамзина до Гончарова, говорит о жанре путешествия как об «односубъектном повествовании, организующим центром которого является путешественник – одновременно и участник событий, то есть литературный герой, и писатель, облакающий дорожный материал в литературную форму» [Дыдыкина, 1998, с. 16]. Ориентируясь на произведения XIX в., Н. В. Иванова указывает, что в этот период происходит усиление фигуры автора в рамках сюжетной структуры путевых записок. Она трансформируется и обретает дуалистическую сущность: автор-повествователь и путешественник [Иванова, 2010].

Подобная раздвоенность сознания пишущего субъекта, постоянное самоопределение между позицией автора и путешественника, безусловно, отражается на специфике повествования в путевых записках. В связи с этим В. М. Гуминский отмечает: «...“путешествия”, оставаясь фактом литературы, все время стремятся покинуть литературу как особую форму человеческой деятельности, обособленную от реальной жизни» [Гуминский, 1987, с. 141]. Однако следует указать, что наиболее отчетливо эта тенденция проявляется именно в травелогах начала XIX в. Этот период даже характеризуется в культуре как «эпоха путешествий», что подтверждается существенным увеличением количества реальных путешествий и путевых записок. На особый повествовательный феномен русских травелогов этого времени обращает внимание, в частности, историк П. С. Куприянов, выделяя «парадоксы литературности»: «Между “путешествием” и путешествием, между практикой и повествованием, между литературой и жизнью, как между двумя электрическими полюсами, возникало “напряжение”, формировалось особое силовое поле – поле литературности, и в этом поле неизбежно оказывалось всякое путешествие начала XIX века» [Куприянов, 2004, с. 59].

Конечно, следует указать, что авторы травелогов в этот период даже невольно испытывали на себе влияние мощной литературной традиции, порожденной произведением Н. М. Карамзина. Как литературный жанр, путешествие конца XVIII – начала XIX в. обладало целым рядом устойчивых элементов. Так, например, Е. С. Ивашина выделяет наиболее типичные компоненты: «Устойчивые мотивы были свойственны Предисловию, “Предупреждению к читателю”; присущий путешествию характер Посвящения, как и само наличие Предисловия и Посвящения, признавался обязательным. Литературное “путешествие” отличала заметно утрированная метафоризация и стили, и фабулы. Сочетание стихов и прозы, особый способ оформления (как правило, в виде писем), обильное цитирование, а также ряд постоянных сюжетных мотивов – все это постепенно становилось “каноном” литературного “путешествия”» [Ивашина, 1979, с. 9]. К наиболее часто повторяющимся характеристикам исследователи относят также указание на любительский характер записок, преподнесение их как «безделок», имитация нелитературности, обращение к друзьям, стремление убедить читателя в спонтанной фиксации увиденного.

Однако, несмотря на наличие подобных шаблонов и «литературных ориентиров», автор-путешественник в своем индивидуальном «слове о путешествии», как

правило, ставит перед собой множество вопросов: описывать ли только те события, в которых непосредственно участвовал либо был их очевидцем? каким образом необходимо фиксировать события в записках? каким слогом необходимо описывать увиденное? какова цель фиксации тех или иных событий, впечатлений, характеристик? какова логика повествования?

Даже в литературных путешествиях второй половины XIX в. встречаются подобного рода размышления. В этом отношении интересен текст И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» (1858), в котором автор ставит перед собой важные вопросы, связанные не только с тем, о чем писать, но и как писать, будучи путешественником: «Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться в недра гор, или опускаться в глубину океанов, с ученою пытливостью, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом на бумагу их образы; описывать страны и народы исторически, статистически или только посмотреть, каковы трактиры, – словом, никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику» [Гончаров, 1986, с. 12]. Таким образом, специфика нарративных стратегий автора-путешественника является, несомненно, актуальным направлением в исследовании травелога.

Как уже отмечалось, заметный рост числа реальных путешествий в начале XIX в. сопровождался столь же существенным подъемом соответствующего литературного жанра.

На этом фоне, безусловно, выделяется одно важное историческое событие – кампания Дмитрия Николаевича Сенявина начала XIX в. Средиземноморская кампания Д. Н. Сенявина довольно хорошо освещена в мемуарах ее участников: В. Б. Броневского, П. И. Панфилова, П. П. Свинына, Н. М. Клемента, В. А. Сафонова. Эти мемуары стали как активно публиковаться в журналах и сборниках, так и выходить отдельными изданиями.

Особенно ценным первоисточником этого исторического события считаются «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год» В. Б. Броневского [Броневский, 1836]. А. А. Бестужев-Марлинский писал по поводу этой книги, что Броневский «изобразил будто в панораме берега Средиземного моря. Он привлекает внимание разнообразием предметов, слогом цветущим, быстротою рассказа о водных и земных сражениях и пылкостью, с которой передает нам геройские подвиги неприятелей, друзей и сынов России. Он счастливо избег недостатка множества путешественников, утомляющих подробностями. Он занимателен всем и нигде не скучен» [Бестужев-Марлинский, 1958, с. 549]. Но в большей степени эти путевые записки выделялись спецификой авторских стратегий, которые и демонстрировали особый феномен точки зрения автора-путешественника на этом этапе эволюции жанра травелога.

Так, в частности, П. Куприянов в своей исследовательской работе подробно описывает литературную распрю между двумя авторами травелогов о кампании Д. Н. Сенявина: «В декабре 1818 г. на страницах петербургского еженедельника “Сын Отечества” разразился литературный скандал. Не являясь сколь-нибудь значимым событием в истории русской литературы, он, тем не менее, должен был привлечь внимание читателей хотя бы накалом страстей. Оппоненты открыто обвиняли друг друга в неблагодарности, плагиате (“присвоении чужой собственности”), обмане публики и клевете. Участниками этой острой полемики были В. Б. Броневский и П. П. Свинын, а непосредственным поводом – вышедшая накануне книга последнего “Воспоминания на флоте”. Началось все с того, что в 49-м номере журнала (за 7 декабря) появилось “Уведомление” В. Б. Броневского, в котором автор... заявлял, что некоторые фрагменты его рукописи, лишь

слегка измененные, были вставлены П. П. Свиным в свою книгу. В доказательство В. Б. Броневский привел несколько параллельных мест из “Воспоминаний на флоте” и из своих записок, фрагменты которых еще летом 1818 г. были опубликованы в разных журналах. Он не только отмечал очевидные сходства соответствующих эпизодов в текстах двух авторов, но и указывал на противоречия, возникающие в повествовании П. П. Свиного после вставления чужих фрагментов. <...> Таким образом, В. Б. Броневский уличал П. П. Свиного, во-первых, в использовании чужого текста, а во-вторых, в обмане публики: оказывалось, что он вовсе не был очевидцем всего того, что описывал, хотя назвал свою книгу “Воспоминаниями”» [Куприянов, 2004, с. 60].

Таким образом, главной претензией В. Б. Броневского к П. П. Свиному становится недостоверность фактов, которые изображает автор-путешественник. Другими словами, автор травелога упрекает другого автора в том, что он не был путешественником, а значит, не имел право писать «слово о путешествии». Сам же В. Б. Броневский объясняет уже в предисловии свои принципиальные авторские установки: «...обошед Европу, видел я лучшие ее страны, знаменитые происшествиями. Славные своими древностями, просвещением и науками... Я вел ежедневные записки о тех событиях, коих был очевидец и о том, что казалось мне достойным внимания и любопытства. <...> В полной надежде на снисхождение отечественной публики предлагаю историческое повествование сего достопамятного похода и вместе путевые мои замечания, мысли и впечатления, изложенные в хронологическом порядке. Счастливым почту себя, если просвещенные читатели удостоят благосклонным принятием сей первый труд мой и если принесу удовольствие служившим тогда на флоте и в 15 пехотной дивизии в Корфе находившимся офицерам, изображением тех битв, где каждый из них имел неотъемлемую часть славы» [Броневский, 1836, ч. 1, с. 2].

Кроме того, в «Уведомлении к первому изданию» в 4-й части своих записок он еще раз делает акцент на том, что автор травелога вправе описывать только то, что видел сам: «Я сделал извлечение из журнала, доставленного мне одним из товарищей моих с тем, чтобы я воспользовался оным при печатании моих записок. Но как журнал его заключает в себе события 1804 г. ... описание городов, в коих я не был, посему и советовал ему переложить журнал в письма и напечатать оныя особо, на что он и согласился, представя издание оных моему попечению. Тем с большим удовольствием принял я на себя сей труд, что журнал его как по оригинальности слога, так и по любопытным замечаниям, с некоторою уверенностью могу думать, доставит любителям словесности приятное, занимательное и полезное чтение; и притом вместе с моими записками составит полное обозрение тех стран, в которых флот наш от 1804 по 1810 год находился» [Там же, ч. 4, с. 1].

Однако так явно выраженная автором путевых записок установка на достоверность не являлась единственной. Очевидное стремление к подлинности, документальности, объективности, намеренно подробное описание событий сочетается в тексте с субъективностью, стремлением выразить свои собственные переживания, мысли и чувства, угодить читателям и «выразить себя». В связи с чем в путевых заметках возникает интересный феномен авторской точки зрения, очевидное «напряжение» между двумя нарративными стратегиями: автора-документалиста, этнографа, историка и автора-писателя, литератора, художника. При этом, на наш взгляд, в записках В. Б. Броневского в большей степени выражается желание морского офицера стать автором собственного «слова о путешествии», творцом своей «литературы путешествия», несмотря на эксплицитную установку в предисловии и официальных примечаниях.

Для достижения такой цели он, безусловно, с одной стороны, следует логике профессиональных авторов этого времени, соответствует общепринятым литера-

турным канонам. Например, активно занимается просвещением своего читателя: «...оставим корабли спокойно продолжать путь свой. Сделаем небольшое отступление для тех, коим бесполезно знать, каким чудесным образом столь великие громады, каковы корабли, по важным, непостоянным зыбям безопасно движутся, и кратким объяснением мореплавания, дадим им некоторое понятие о том искусстве, каким суда из края в край, от страны в страну надежно препровождаются. <...> Ни одна из наук, постепенно восходивших к совершенству, не поспешала такими исполинскими шагами, как наука мореплавания» [Броневский, 1836, ч. 1, с. 28, 31].

Но чаще в его записках встречается противоположная авторская стратегия – разрушить шаблоны и стереотипы. Например, в разделе «Нечто о турках» он отмечает: «Многие путешественники, не зная их языка и будучи предубеждены мечтаниями о славе древней Греции, всё в них осуждали; о действиях их и побудительных к тому причинах часто, по соображению со своими обычаями, судили превратно» [Там же, ч. 3, с. 158]. Для того чтобы представить иную точку зрения, В. Б. Броневский использует высказывания турок о себе: «Турки сами признают, что при поспешном их суждении иногда погибают невинные, но они в оправдание своё говорят: “Лучше пожертвовать десятью овечками для истребления одного хищного волка, нежели дать ему способ задавить ещё сотню и другую”» [Там же, с. 159]. По собственному наблюдению путешественника: «Турки думают иначе о исполнении смертных приговоров и говорят, что лучше умереть нечаянно, нежели продолжительно страдать в ожидании определённой казни... необходимая смерть, определённая законом, тем самым по возможности облегчается. <...> Честность Турок заслуживает особенное внимание и поистине достойна нашего удивления. Купцы их верят друг другу на миллионы, без векселей и записей, на одно только честное слово, и выдают деньги при одном свидетеле... Турки столь гнушаются обманом или подлогом в торговле, что если вы, пришед в Турецкую лавку, покажете сомнение о качестве или цене товара, то Мусульманин примет сие за крайнюю обиду и часто скажет: “Неужели вы принимаете меня за Христианина?” Таково их мнение о всех Христианах, которое в некотором отношении частью и справедливо» [Там же, с. 160]. Такой способ изображения позволяет не только внешне показать специфику жизни представителей чужой страны, но и выразить особенности их мировоззрения, уникальность иной картины мира. Очевидна также установка именно на познание Иного сознания, а не на описание Чужого мира.

Использование разных точек зрения на одно явление действительности, совмещение разных нарративных стратегий создает эффект многомерности мира, который описывает путешественник, допускает вариативность интерпретаций. Это можно увидеть на примере характеристики жизни черногорцев: «Мечтания философов о независимости могут в семейственной жизни черногорцев найти образ счастливой свободы, но друг человечества всегда откроет в том беспорядок своеволия, где право сильного и неумолимое мщение заменяют все законы; он пожелает в сердце, да освободятся они от бесчисленных бедствий войны, им и соседям их равно пагубной, и да оставят жизнь, толико противную достоинству человека» [Там же, с. 297].

В некоторых случаях обманутые ожидания автора объясняются несовпадением точки зрения на описание пространства: «Я ожидал, что Цитера, остров, где Венера вышла из недр моря, где родилась прелестная Елена, должен быть наипрекраснейший; думал, что природа должна украсить его наилучшей наружностью; воображал его романтическою очаровательною странною; но остров сей, называемый нане Цериго, представлял обманутому взору одни бесплодные скалы. <...> ... Но если древние поэты полагали красоту более в душевном, внутреннем превосходстве, то они справедливо почтили Цериго местом рождения богини радостей.

В самом деле Цериго, столь безобразный по наружности, внутри под кровом обнаженных гор, наполнен плодоносными долинами и приятными местоположениями» [Броневский, 1836, ч. 3, с. 5].

Подобного рода стратегия выражается и в постоянном желании автора опровергнуть чужое высказывание о событии, явлении, человеке. Свое слово-текст он воспринимает как альтернативное авторское (литературное) слово. Приведем несколько показательных примеров: «Потеря наша состояла в нескольких перебитых снастях. На другой день со смехом читали мы в Триестских ведомостях пышное известие о жестоком и кровопролитном сражении, в котором морские гренадеры покрыли себя неуязвимой славой: “Неприятельский фрегат La Bella Venus потерял 200 человек (!) убитыми и ранеными, наша потеря также довольно значительна, мы лишились 16 человек храбрых и одного поручика”» [Там же, ч. 1, с. 302]; «храбрая флотилия Королевства Итальянского мужественно напала на огромные российские корабли и меткими выстрелами принудила оные отступить далее в море. Сражение происходило близ Капо де Истри. Потеря неприятельская должна быть значительна, мы узнали (от кого?), что одним ядром, пущенным с лодки Баталья де Марейно, убило адмирала Сенявина» [Там же, с. 319]; «Напрасно наемные журналисты старались всех уверить, что Катаро взята, о чем в Венеции в театре при барабанном бое объявили, напротив того, скоро везде узнали, что Сенявин, не дав обмануть себя переговорами, разбил славных его генералов и остался спокойным обладателем провинции Катарской» [Там же, ч. 2, с. 64–65]; «Вид довольства и изобилия идриотов не показывает никакого притеснения турецкого деспотизма, который неумолкаемо бранят все путешественники» [Там же, ч. 3, с. 9]; «Конечно, сии развалины не принадлежат к древней Трое, ниже к той Троаде, которая Александром Македонским построена была на могиле Ахиллесовой, но вероятно суть остатки Трои, возобновленной уже в позднейшие времена. Однако ж некоторые путешественники с помощью воображения нашли тут часть дворца Приамова, а три кургана, видимые близ развалин, назвали Ахиллесовой, Патрокловой и Аяксовой гробницами» [Там же, с. 22].

Нарратив записок В. Б. Броневского усложняется и совмещением разных дискурсов в описании одного и того же объекта действительности. Например, в описании моря В. Б. Броневский очевидно соединяет поэтический (литературный) и научный дискурс: «Вода издавала блеск, подобный золоту, корабль по-видимому плыл в растопленном металле. <...> Картина ужасная и вместе прекрасная! Морская вода, содержащая в себе множество селитренных, фосфорических и других частиц, от трения о борт корабля, как будто возгорается, и в темную ночь при скором ходе производит сие явление [Там же, ч. 2, с. 287].

Рассказывая о путешествии сельди, автор проводит явную параллель с деятельностью человека-путешественника: «...вечная премудрость, которая печется о сохранении всех тварей, и здесь заметна в жизни и разуме сельдей, если можно назвать то тайное побуждение (инстинкт), который заставляет их предпринимать путешествие всегда в одно время, до известной широты, и в строе, порядке удивительном возвращаться в отечество свое, северный полюс, где под льдом от хищных рыб живут они в безопасности [Там же, с. 345]. Но в то же время далее в записках он приводит совершенно объективное с научной точки зрения объяснение такого явления: «Естествослы, изыскивая причину такового правильного путешествия сельдей, полагают искание пищи, состоящей в червях, коими северные моря преисполнены» [Там же, с. 345].

Авторское самоопределение в «литературе путешествий» выражается и в осознанном внимании к новым элементам путевых записок. Так, В. Броневский неоднократно обращает внимание читателя на принципиальное новаторство своего повествования: «...собрав подобные сведения о Черногории и Катарской области, я постараюсь с точностью изобразить свойства народа, по происхождению и вере

столь к нам близкого, а по преданности, любви и усердию к России тем более достойного внимания моих соотечественников, что страна сия еще ни одним путешественником не была описана. <...>

Таким образом объехал я Катарскую область и в продолжении времени собрал достаточные сведения для вернейшего ее описания, за всем тем оные были бы несовершенно и поверхностны, если бы не старался я собственные мои суждения проверить с показаниями многих знающих особ, наиболее же обязан К. В. Р., который доставил мне... Но как сей офицер, увлекаясь духом католицизма, представил характер народа совершенно в искаженном виде, то я заимствовал от него только статистическое и частию историческое описание. <...>

Черногорцы, ведя беспрестанную войну со своими соседями, не впускают ни одного иностранца в свою землю. Путешественник, который пожелал бы снять местоположение, подвергся бы опасности потерять жизнь; они почли бы его за шпиона какой-нибудь державы. По сей причине из множества путешественников нет ни одного, который бы посетил Черногорию, и нет ни одного творения о произведениях ее, о правлении, нравах и обычаях жителей» [Броневский, 1836, ч. 2, с. 482–498].

Автор записок даже пытается оправдаться перед читателем с помощью «нового объекта» описания: «Новость предмета вознаградит негладкость слога» [Там же, с. 498].

Травелог В. Броневского также очевидно демонстрирует позицию русского путешественника: «...иностранца, приехавшего в 1 раз в Англию, изумляют деятельность, трудолюбие и чистота»; «Обычай совсем новый для русских! Здесь девицам оставляется вся свобода, а женщина, мать семейства, напротив, сидит дома, и редко, очень редко является в большие собрания»; «английская чернь величает иностранцев общим именем “французская собака”; одни только русские исключены из сего уничижительного звания; их называют Рушин добра, т. е. русский, добрый человек»; «мне весьма приятно было слышать, как усатые наши солдаты развязно и ласково разговаривали с итальянцами: таковая способность русского скоро приобретает ему любовь во всех землях. Француз, англичанин, если не обижают бедняка, то по крайней мере хотят показаться гораздо его благороднейшим. Русский не ищет сего преимущества и желает быть ему равным. Итальянская чернь кричит: да здравствуют русские!» [Там же, ч. 3, с. 35, 234]. Обращая внимание на положительные отзывы иностранцев о русских, В. Б. Броневский также помещает в свой текст и парадоксальные случаи восприятия русских традиций. Например, искажение иностранными путешественниками русских религиозных обрядов: «Иностранцам, особенно католикам, нравятся наши церковные обряды; а иногда обряды наши представляют в превратном виде. Вот тому разительный пример. Один путешественник, бывший во время Пасхи в Петербурге, описывая торжество сего дня, сказал: чувствительно было для меня видеть, когда все, бывшие в церкви, без различия чинов, царедворец и солдат, крестьянин и генерал начали обниматься и целовать друг друга в уста, говоря один другому: Крестовский остров, Васильевский остров (вместо Христос воскрес, воистину воскрес)...» [Там же, ч. 4, с. 254–255]

Патриотический настрой автора травелога выражается даже в абстрактных размышлениях о значимости путешествия, что приводит к возникновению неожиданных оппозиций: Родина / чужбина, путешествовать / жить, которые до этого в тексте не встречались: «О благословенная матушка Россия! Если бы ты была и не мое отечество, я всегда бы похвалил твое гостеприимство! Напрасно мы ищем онаго на чужбине, там нет и тени русской приветливости. Путешествовать, бесспорно, полезно и доставляет многие разнообразные удовольствия, но жить только на своей родине хорошо и приятно» [Там же, с. 210–211].

Безусловно, особый исследовательский интерес вызывают размышления автора о принципах порождения текста о путешествии. Именно эти фрагменты позволяют выделить индивидуальные скрипторские установки, охарактеризовать авторское слово о нарративе своего текста. К наиболее репрезентативным компонентам такой стратегии можно отнести следующие варианты.

1. Характеристика привлекательности предмета описания, объяснение мотивации автора в выборе объекта действительности: «Земля черногорцев не представляет ни надписей, ни развалин; известия о ее жителях не вмещают столь любопытных предметов, какие читатели находят в описании древней Греции; но часто полевой цветок бывает столь же душист, как другой, воспитанный в цветнике и оранжерее» [Броневский, 1836, ч. 1, с. 240].

2. Сравнение установок писателя и художника, уподобление иному способу письма/описания мира: «Ясное небо, грозное море и плывущий фрегат представлял картину, достойную кисти Вернета; но как изобразить сии золотые лучи солнца, отражавшиеся и смешавшиеся с белизной валов, шедших вслед нам глубокими браздами? Как соединить лазурный спокойный вид небесного свода с ужасным видом моря? Какую должно избрать краску, дабы живо написать...?» [Там же, с. 156].

3. Соотношение в повествовании устройства человеческого и природного миров: «Сошед вниз, гора, которая была ниже других, казалась им равною и закрыла собою гораздо его высочайшее. Не так ли и в свете ничтожный и порочный кажется равным добродетельному человеку? Не так ли дерзкий льстец и невежда затмевает достоинства скромного неискательного человека?» [Там же, ч. 2, с. 33].

4. Создание эффекта присутствия читателя в тексте, имитация прогулки: «Хотите ли иметь понятие о внутреннем убранстве их палат? Войдите со мною в дом княгине де Бутиро, богатейшей особы в Палермо» [Там же, с. 137].

5. Описание процесса порождения текста о событии (о походе): «Сей поход сделался сказкою между черногорцами, и они, до сих пор не видав более воды, кроме одного Скутарского озера, получили охоту на кораблях плавать в море; сии избранные возвратились домой, рассказали чудеса друзьям своим, и ласки адмирала к ним во время похода оказанные ещё более привязали к нему весь народ. Поэты их составили на сей случай песню, в которой имя Сенявина и других храбрых начальников передается потомству и соединяет, так сказать, имя русского со славянским» [Там же, с. 228].

6. Описание источника информации: «Из переписки адмирала с французскими генералами намерен я сообщить читателям два только письма, ясно обнаруживающие поступки и дух приверженцев Наполеона» [Там же, с. 248]. «Статья сия заимствована из краткого описания острова Сицилия неизвестного сочинителя, которая во французском издании прибавлена к письмам Г. Брайдона о Сицилии и Мальте» [Там же, ч. 4, с. 111].

7. Стремление описать сиюминутные ощущения, размышления (саморефлексия автора): «Инквизиция! Повторил я с ужасом, остановился и, с негодованием смотря на строение, безмолвно рассуждал с собой: как сей вертеп жестокого фанатизма, сие исчадие ада, противное кротости христианской веры, уничтожающее человечество, оскверняющее алтарь Всемилосердного творца, ещё терпим в наш просвещенный век... Содрогаюсь» [Там же, ч. 3, с. 226].

8. Комментирование выбора способа письма: «...я остался в галерее и продолжал рассматривать картины, замечал в них с большим вниманием, что первое бросалось в глаза, и чтобы не упустить ни малейшего впечатления, наскоро записал мои мысли. Оные, конечно, будут удовлетворительны для художников, ибо я описывал только то, что мне более нравилось. Несколько раз потом переписывал я мои мысли, старался привести на память все впечатления, но был всем

недоволен и наконец остановился на том, что означил в записной моей книжке» [Броневский, 1836, ч. 4, с. 48].

9. Определение специфики записок морского путешественника (обнаружение преимуществ): «Морское путешествие, при многих неприятностях, доставляет одно удовольствие, так сказать, мгновенно переносишься из страны в страну и в короткое время ознакомишься с народами, живущими на противоположных концах земного шара, и в сем переходе мученики любопытства, если смею назвать так всякого путешественника, находят новую пищу для своих наблюдений... Видя везде новые обычаи... скоро к оным привыкаем; то, что сначала кажется странным, впоследствии становится обыкновенным...» [Там же, ч. 3, с. 229].

Таким образом, анализ нарративных стратегий автора-путешественника позволяет выявить и специфику жанра травелога, и определить феномен авторства путевых записок. Традиционно в исследованиях «литературы путешествий» установки автора характеризовались следующим образом: «Притязания путешественника на истинное знание основывалось на том факте, что они там были и видели все своими глазами. Личный опыт был главным аргументом в этом споре. Философская система является ошибочной конструкцией, так как зиждется на умозрительных представлениях, а рассказ путешественника отражает реальность, так как основывается на личном опыте очевидца. Такова логика путешественника» [Куприянов, 2004, с. 59]. Однако в нарративе конкретных путевых записок начала XIX в. обнаруживается совмещение двух противоположных точек зрения: путешественника-очевидца и путешественника-писателя, сочетаются объективность и субъективность, документ и литература. Кроме того, выделенные примеры в травелоге В. Б. Броневского наглядно демонстрируют установки скорее литератора, писателя, нежели объективного путешественника. Рассказ о событии путешествия превращается в повествование в акт мифотворчества. Очевидец постепенно в процессе письма, все более погружаясь в нарративную саморефлексию, превращается в поэта, художника, творца нового мира. Путешественник познает Иное сознание, Чужой мир в процессе создания травелога, постигая роль автора.

Список литературы

Бестужев-Марлинский А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года // Бестужев-Марлинский А. А. Собр. соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 547–558.

Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении Кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год: В 4 ч. СПб., 1836.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Л., 1986.

Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987.

Дискурс травелога: Сб. ст. / Авт.-сост. О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. Екатеринбург: ИМС – Изд. дом «Дискурс-Пи», 2008.

Дыдыкина О. А. Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1998.

Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: Тематика, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Ивашина Е. С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1979. № 3.

Куприянов П. С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: Парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59–73.

Русский травелог XVIII–XX веков: Коллективная моногр. / Под ред. Т. И. Печерской; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: НГПУ, 2015.

Труды Русской антропологической школы. Вып. 13. М.: Изд-во РГГУ, 2013.

Феноменология, история и антропология путешествия: Тез. междунар. Гумбольдтовской конф. (С.-Петербург. гос. ун-т, 16–19 апреля 2013 г.) / Сост., ред. М. Кобельт-Гробах, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. СПб.: Своё изд-во, 2013.

N. V. Konstantinova

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation; scribe2@yandex.ru*

**The Russian travelogue of the beginning of the XIX century:
the phenomenon of the author strategy
(on the materials of V. B. Bronevskoy's travel notes)**

The research is devoted to the main questions of the travelogue genre evolution in Russia in the beginning of the XIX century. The subject of a description in this article is the phenomenon of the author's strategy in the V. B. Bronevskoy's travel notes. The analysis of author-traveler's narrative strategies allows us to reveal the travelogue genre specifics and to define the phenomenon of the travel notes authorship. The combination of two opposite points of view, a traveler-eyewitness and a traveler-writer, objectivity and subjectivity, documentation and literariness, is revealed in the narrative of the specific works of the beginning of the XIX century. Also, the marked examples in V. B. Bronevskoy's travelogue evidently show rather the settings of the writer than of objective traveler. The story about the event of a trip turns to the formation of myth in the narration. During the writing, plunging into the narrative self-reflection, an eyewitness becomes a poet, an artist, a new world's creator. A traveler learns Another consciousness, Strange world during the travelogue creation, comprehending the author's function.

Keywords: author strategy, narrative, travelogue, author-traveler, self-reflection.

DOI 10.17223/18137083/56/8

References

- Bestuzhev-Marlinskiy A. A. *Vzglyad na russkuyu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 goda* [The perspective on the Russian literature during 1824 and early 1825]. In: Bestuzhev-Marlinskiy A. A. *Sobranie sochineniy v 2 tomakh* [Collection of works in 2 volumes]. Vol. 2, Moscow, 1958, pp. 547–558.
- Bronevskiy V. B. *Zapiski morskogo ofitsera v prodolzhenii Kampanii na Sredizemnom more pod nachal'stvom vitse-admirala Dmitriya Nikolaevicha Senyavina ot 1805 po 1810 god* [Notes of a naval officer in the continuation of the Campaign in the Mediterranean under the command of Vice-Admiral Dmitry Nikolayevich Senyavin from 1805 to 1810 year]. Saint-Petersburg, 1836.
- Dydykina O. A. *Evolyutsiya stilya russkikh literaturnykh puteshestviy kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [The evolution of the style of Russian literary travels of the late XVIII – early XIX centuries]. Moscow, 1998.
- Goncharov I. A. *Fregat «Pallada»* [The Frigate «Pallada»]. Leningrad, 1986.
- Guminskiy V. M. *Otkrytie mira, ili Puteshestviya i stranniki* [The discovery of the world, or Travels and strangers]. Moscow, 1987.
- Ivanova N. V. *Zhanr putevykh zapisok v russkoy literature pervoy treti XIX veka: Tematika, poetika* [The genre of travel notes in Russian literature of first third XIX century: themes, poetics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow, 2010.
- Ivashina E. S. *O spetsifike zhanra «puteshestviya» v russkoy literature pervoy treti XIX v.* [About the specifics of the genre of «travel» in the Russian literature of first third of XIX century]. *Vestnik MGU*, Moscow, 1979, seriya 9, Filologiya, no. 3.
- Kupriyanov P. S. *Russkoe zagranichnoe puteshestvie nachala XIX veka: Paradoksy literaturnosti* [The Russian overseas journey in the beginning of the XIX century: paradoxes of the literary]. *Istoriya i hudozhnik*, 2004, no. 1, pp. 59–73.
- Rusakova O. F., Rusakov V. M. (authors-compilers). *Diskurs traveloga: sbornik statej* [The discourse of the travelogue: collection of articles]. Ekaterinburg, Diskurs-Pi., 2008.